

Гаяне Шавердян
Факультет философии и психологии ЕГУ
д.п.н., профессор зав. кафедрой социальной психологии
gmsh17@yahoo.com

АРМЕНИЯ И ЕЕ СУПОСТАТ

Ключевые слова: *Армения, Турция, геноцид, идентичность, индивидуальность, растождествление, христианство.*

Наиболее близкая национальная идентичность армян связана с христианством. Сам язык указывает нам на это: на протяжении веков ни одно словосочетание так легко не ассоциировалось с армянами, как «армянин-христианин» («հայ-քրիստոնի-իս»); христианство, по словам историка V века Егише, для Армении цвет кожи. При этом, сюда не добавлялось «халкидонит», «монофизит» или «церковь», потому что первая ассоциация (согласно психологии, она наиболее релевантная) связана с внутренним переживанием души, а не с богословскими спорами, церковными ритуалами, соборными постановлениями, которые по отдельности и вместе закрывают доступ во внутреннее души. Одеть это *внутреннее* в одеяния церемониала или догматики сродни насаждению порхающей бабочки на булавку, и или ты сохраняешь внутренний импульс живым, продвигаясь индивидуальными путями, или, погрузившись в атрибутику внешнего христианства и суррогатную религиозность, умерщвляешь его.

Давний призыв Константинопольского патриарха армянского происхождения Фотия к армянам звучал так: «Только Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь» (из письма византийского патриарха Фотия к царю Ашоту). Под единством Фотий подразумевал дружное покорение постановлениям вселенского собора 451 г. в Халкидоне. Сегодня под «единством» следует подразумевать нечто совершенно другое, поскольку само понятие «единство» претерпело ряд изменений. Душа современного человека уже отошла от внешнего конфессионального единства, но еще не приобрела индивидуальное переживание Христа, через которое должно прийти уже к подлинному и незыблемому единству. Между этим «уже не единство в старом духе» и «еще не единство в новом духе» сегодня христианство приобретает свои формы. Но еще при жизни Фотия это «единство» приобрело другой смысл, и прежде всего для самого Фотия, за что Константинопольский собор 869 года, постановления которого не признают ни православные, ни армяне, предал анафеме его самого.

Хотя с позиций современного мышления нелегко понять основной нерв тогдашних богословских споров, тем ни менее попытаемся вникнуть в некоторые импульсы, которые двигали персонажами этого исторического собора. Итак, имело

место десять заседаний (от октября до февраля), в которых разве что черт ногу не сломал. Долго и нудно разбиралось: как посмел Фотий в обход католичеству через Константина (в последующем Кирилл) и Мефодия распространить свое влияние на Болгарию; кто из епископов ведет дружбу с Фотием, осмелившимся указать католической церкви на поклонение золотому тельцу; кто из священников был посвящен Фотием, кто Игнатием; служили ли они литургию вместе с папой или не служили; принимали ли участие в издевательских над церковью игрищах; одеты ли были в священнические одежды или нет и пр. Многозначительность соответствовала сентенции дзен-буддизма: «Чем больше мы об этом говорим, тем меньше это понимаем». Тем не менее, сторонники Фотия: не теряя нити рассуждений, яростно защищались. Один из них, Евхимон, митрополит Кесарии Каппадокийской, попросил у императора позволения защищаться беспрепятственно, без перерывов и помех, очевидно для того, чтобы тяжелые и запутанные языковые хитросплетения не затуманивали бы ум и не поглотили сознание. «Я с Божьей помощью докажу, - заявил он, - что все документы и речи, здесь произнесенные, составляют пустяки («Chartashaset disputation»). Вскоре оказалось, однако, что фотиан вызвали на собор не спорить или защищаться, а довольствоваться слушанием писем папы Николая I, и более того, что игнатианские епископы не проводили настоящего расследования, а опирались на провокаторов и доносчиков.

На одно из заседаний был приглашен сам Фотий, который из-за отказа был приведен насильно. «Когда Фотий вошел в собрание собора, легаты спросили императорских сановников: «Кто это стоит здесь на последнем месте?»

- Это Фотий, - был ответ.

- Так это Фотий, - воскликнули легаты, в первый раз видевшие это лицо, - тот Фотий, который дольше семи лет причинял столько страданий Римской Церкви, который глубоко взволновал Церковь Константинопольскую и сделал столько беспокойства прочим восточным Церквам?

- Он самый, - отвечали сановники.

После этого легаты предложили Фотию целый ряд вопросов: принимает ли он правила святых отцов, предписания римских пап, признает ли определения папы Николая, желает ли принять то, что постановил преемник Николая - Адриан? Фотий молчал. Тогда легаты сказали: «А мы слышали, что он человек очень красноречивый. Впрочем, с другой стороны, мы знаем, что он законопреступник и «прелюбодей» (т. е. человек, занявший епископскую кафедру при жизни епископа, которому она принадлежала). Так пусть он говорит и защищается». «Бог слышит мой голос, если я и молчу» - ответил Фотий. «Твое молчание не спасет тебя от осуждения», - заметили легаты. «Но также и Иисус, - сказал Фотий, - молчанием не избежал осуждения» (1).

Вот так поворот! Фотий, стоявший у истоков защиты догматики, обличивший армянскую церковь за несогласие с Халкидонским собором* молчит, предпочитая говорить с Христом **внутри себя**, т.е. сложив со своей души одеяние внешне цер-

* «Если кто дерзает бесславить Халкидонский Собор и следующие за ним Соборы, пятый, шестой и седьмой, ... то таковой проклинает себя» (из письма Патриарха Фотия к Захарии - католику Великой Армении).

ковного христианства и обратившись к центру собственной души. Нет сомнений, что под влиянием тяжелой муки публичного обличения, христианство в душе Фотия претерпевает метаморфозу: от христианства как носителя церковно-институциональной системы к христианству как носителю самого Христа.

Прозванный «другим» 8-ой Константинопольский собор Собор 869 года был примечателен не только злобой дня – низложением византийского Патриарха Фотия и провозглашением неподсудности Папы вселенскому собору. Под шумок обличений фотиевых епископов, сбивчивых выступлений сановников, легатов и патриархов, собор провел небывалую авантюру. По распоряжению папы Николая I и при попустительстве императора Людвига II епископы-католики ввели догму о том, что человек состоит не из духа, души и тела, а только из тела и души, объявив еретическим учение о «трихотомии». Дух, как непознаваемая человеческими органами чувств субстанция, была оставлена в сфере исключительно «божественного» и пронесена мимо человека, чтобы он даже не подозревал о его существовании в себе самом. Исключив из сознания и, следовательно, познания человека дух, католичество ввергло это познание в хаос, а дальнейшие исторические события можно классифицировать как последовавший за собором отвратительный послед.

Через немногим более трех сотен лет после собора в Константинополе папа Луций III и император Фридрих I Барбаросса установят строгий порядок розыска епископами еретиков. Пройдет еще столько же, и 220-ый папа римский Павел III, используя опыт испанской инквизиции, учредит Священную Римскую Вселенскую Инквизицию, а также утвердит иезуитский орден. Пройдут еще три-четыре столетия, и расследования и сыск с аналогичными методами, психологией и мировоззрением уже подхватят в России учредители ВЧК (1917 год), а потом и КГБ (1954 год), тяжесть которого мы латентно, но ошутимо несем по сегодня. Во всех этих событиях можно заметить одинаковый почерк. Достаточно сравнить тайные инструкции ЧК и КГБ о допросах и «Руководство для инквизиторов о допросе с пристрастием» от 1323 года, чтобы понять схожесть почерка темных сил во всех подробностях и в главном: контроль за мыслью и духом в мысли, в точном соответствии с романом Дж. Оруэлла «1984», где государство устанавливает тщательный контроль за мыслями, чтобы исключить даже «мыслепреступление» - малейший намек на расхождение индивида с политикой правительства (или церкви), паразитирующего на послушной серости.

С момента провозглашения принципа трихотомии ересью мысль постепенно теряет свою первородность - заложенный в ней дух, вследствие чего бездуховная мысль проскальзывает в науку, в которой начинает безраздельно царствовать материализм. Больше всего он отразился на науке о душе - тысячелетием позже возникшая психология, за невозможностью обратиться в своих изысканиях к духу, упразднила также душу, и на заре своего становления выдвинула лозунг: «Психология без души». Даже сейчас, когда развиваются обратившиеся к духу направления – трансперсональная, христианская, пасторальная и православная психология и психотерапия, тень от первоначальных исследований души, проводимых исключительно на территории тела и поведения, вводит науку психологии в глубокий методологический кризис. С другой стороны, пропитанная материализмом эволюционная теория, могущая возникнуть только при условии бездействия духа в сознании, проскользнула в

социально-экономическую жизнь, установив в ней незыблемый закон конкуренции (conquer – побеждать, покорять, подавлять), подмявший под себя все некоммерческое в межличностных отношениях.

Так удар по христианству в Константинополе, пройдя через ужасы европейских пожарищ, отголоском донесся до наших дней. Если дух в человеке не осознаваем, то человек не сможет счесть своих потерь, и, в первую очередь, потерю в собственной душе побуждения к индивидуальному мышлению, вследствие которого можно принимать ответственность за все внутри и вне себя. Стратегия упразднения духа проста: сначала упраздняется способность личностного понимания себя и жизни через дух, потом – сама личность и сама жизнь. Правда, взамен этого человек лишается трудностей выбора между добром и злом и освобождается от сложнейших исканий того, что невозможно увидеть глазами и пощупать руками. Не подозревая в себе дух, человек все менее осознает в себе Бога, которого ищет и не находит в небесных высях. Потому что, не обратившись к «небу» внутри себя, т.е. высшей своей сущности, он вынужден постоянно иметь дело со своим нисшим «я». По слову Ангела Силезского, «тем будешь вечно ты, к чему ты обратишься; ты с Богом будешь Бог, с змием змий явишься» [2].

2

Парадоксально складываются судьбы христианства: самый антихристианский собор состоялся в самом святом христианском соборе того времени – св. Софии (Ая-София). Примечательные размышления об Ая-Софии принадлежат Д.Мережковскому: «Когдаходишьвнутрихрамаивидишьеговесьсразу(вэтомегоособенность,чтовидишьегосразу,спервоговзоравесь),душеделаетсяпонятнымеговеличие:душахочеткрыльев.Ничего,кромесветлого,безмерноогромного,небуподобного,свода.Чувствуешь,чтозданиепостроенодляэтогосвода.Вседлянего,всеотнего,всевнем.Онпокрывает,соединяет,согласует,просветляетвсе.Никогданаземленебылоболеесовершенногообразавечности,ипочтиневозможноповерить,чтоэтосозданиерукчеловеческих».Далеепоразительнаядогадкаотайномсмыслежизнисамогособора:«Всамомделе,возможноли,чтоэтолишьслучайность?ХрамСофии,БожественнойМудрости,воплощение,созданноечеловеческимирукаминаземле,постижениелюдьмиэтойМудростипал,отнятусоздавшихипостигнувших,отданвовластьпришедшемусВостокачуждомуплеменилюдям,незнающиминемогущимузнать?Ониостались,какимипришли,со своимнеподвижным,бессыновным,бездейственнымОтцом.ПотомучтоведьикОтцу,каккОтцу,можноприйтитолькочерезСына.Религиямусульманская-религиякосности,недвижности.Ипосколькучонасоприкасаетсясжизнью,—онаеезадерживает.Религиячистого,каменного созерцания.Обращаяськдействию,ккультуре,кзнанию,ккакому-либодвижению,магометанинтемсамымотвертываетсяотмагометанства,выходитизрелигии.Этарелигияжизнибезжизни».Авсепотому,что«Византия,построивхрамТроице,забылаТроицу.Неумом.Однимумом,теоретически,схоластично,буквенноонаеепомнила.Жизньюзабыла,вбиениикровизабыла,остановившисьвХристе,непроходявечночерез,сквозьнего,кОтцуиДуху, ... поэтому «религия христианства

— сделалась такой же косной и бессильной, одиноко созерцательной, бездейственной, как ныне еврейская и магометанская» [3, стр. 79 – 90].

Но если религия, обеспечивающая внешние отправления веры, способна сделаться косной, то «святая святых» души человека коснеть не может по определению, ибо, если честно мыслить, то уже в самом мышлении действуют силы, ищущие и находящие спиритуальное в психическом, возвращающие духу право на жизнь в душе. Косность, бездействие и «одиноко созерцательная» лень возникает на путях бездумного, неличного и трусливого христианства. Поэтому говорит Ангел Силезский:

«Во Вифлиеме Бог хотя стократ родится,
А не в твоей душе; твой дух не просветится.
Хоть крест Спасителей на высоте стоит:
Но не в тебе сей крест; он блага не дарит» [4].

Дух, свободно опознанный и принятый в собственное сердце, - так первоначально приняли христианство армяне (как и греки, копты и сирийские христиане). Именно это подвигло святителя Афанасия Великого (около 318 года) свидетельствовать о явленном триумфе Христа, которому покорился народ недоступной области, какой является Армения. Дальнейшее тяжелейшее противостояние насильственной исламизации казалось бы должно было углубить выбранный путь не только внешне, но и внутренне, т.е. привести к работе внутри себя, вошедшей в «биение крови», подвинуть к поиску ответов на такие вопросы как: каким образом мои мысли соотносятся с мировым разумом, мои чувства с любовью, желания с божественной волей, поступки с мировым космическим порядком и т.д. Но не тут-то было. Вечный страх за существование выхолостил эти запросы из психологии, а то, что должно было вести к индивидуальному познанию Христа, а от него - к установлению социального христианства, потонуло в материальном накопительстве и обособленном интересе.

Прежде, чем сформировать социальное христианство, необходимо было укрепиться в личном христианстве, но ввиду геополитических условий армяне были отброшены с первоначального пути личного, индивидуального христианства, венцом которого на все века остается Г. Нарекаци, в индивидуализм. Иначе говоря, они укрепились в своем «Я» больше, чем это допустимо при условии следования духу христианства. Подобно тому, как еда действует оздоравливающе до тех пор, пока не превышен порог насыщения, после чего «ядеть» означает принимать яд, превышающее порог индивидуальное начало превращается в индивидуализм, затемняющий несомый христианством свет («Я есмь Свет Миру») и накидывающий на внешнюю активность и мировоззрение человека покрывало, закрывающее понимание его последствий для сколько-либо обозримого будущего.

Сегодня, однако, вырисовывается другая картина: индивидуализм, приведший к кризисам, которыми кишит социальная и политическая жизнь Армении, сам испытывает кризис, дающий о себе знать на каждом шагу. Становится очевидным, что все, достигнутое в силу индивидуализма и эгоизма, трещит по швам: олигарх не застрахован от нищеты, если вокруг него никто от нее не застрахован, власть имущий не может насладиться сладостью власти, если остальным от его власти горько, лгун находится под страхом обмана со стороны более наглого лгуна, вор постоянно тревожится о том, что его обворует более профессиональный вор, интеллектуальный и хитрый

боится быть обдуренным более рафинированно-хитрым и более юридически подна-торевшим и пр. Сознательно или бессознательно переживаемое ощущение зыбкости сопровождается сегодня удачливого и неудачника, лидера и пария, образованного и невежду, бедного и богатого. Причем, при тщательном сопротивлении этому ощущению, индивидуализм только усиливается, поскольку это ощущение тревоги есть одновременно его порождение и последствие. Так, если олигарх ощущает неуверенность и беспокойство, он увеличивает свои доходы за счет обеднения тысяч и поглощения конкурентов, что рикошетом удваивает тревожность и так многократно. В итоге, все вместе обворовывают будущее, а всех вместе наказывает судьба.

Если горе-социализм искусственно сдерживал индивидуализм армян, создавая видимость социальности, то нынешний дикий капитализм его раскрыл, накрыв нацию с головой. Часть из нас, не будучи индивидуалистами, спит в отношении этих реальностей, располагаясь в пространстве между инерционно-механической обыденностью и любым аддиктивным опьянением - работа, казино, наркотики, патриотизм, кутюрье, столы, секс, должность и пр. Те же, кто не спит и не замечает за собой индивидуализма, испытывает боль за нереализованную социальность, и от бессилия что-либо изменить пробует себя вне родины или заключает дохлый компромисс с индивидуалистами, на стороне которых сила, власть, капитал и ловкость. Но именно для нации с подчеркнутым индивидуальным началом необходимо талантливое государственное управление, которое могло бы «технически» не допустить разрастания индивидуальности в индивидуализм, потому что труднее всего быть индивидуальным, т.е. иметь крепкое «Я», находится на вершине своей личности и одновременно не быть эгоистичным. История же Армении демонстрирует порочный круг: из-за индивидуального начала или государственности нет вообще, или номинально есть, но поглощена этим же началом.

По непреложному закону, однако, маятник должен качнуться в противоположную сторону, поэтому уже зреет стремление к справедливости, равенству, культуре, экологической ответственности, гражданственности, к очеловечиванию отношений, доверию к другому и будущему. Для привнесения этих стремлений в социальную жизнь предлагаются некие идеологические подпорки, однако опять же настоянные на индивидуализме и материализме, без преодоления которых не могут быть обозначены пути борьбы с их последствиями. Необходим возвратный ход психологии нации от той точки, где индивидуальное христианство перешло в одержимый демоном эгоизма индивидуализм, в индивидуальное христианство на новом, самосознающем и самопознающем уровне. А уже переход от него в социальное христианство не представляет трудностей и вытекает как «из рукава» («Где двое или трое во имя мое, там Я посреди них»). Остальные пути интеграции - от лукавого. Если это живое внутренне чувство не объединит армян как народ, то не объединит ничто, даже геноцид и Карабах, как бы ни разворачивались события, как бы ни давили сильные мира в угоду своим интересам. Потому что именно этот импульс приведет к осознанию цели и обрисует эскизы будущего.

Речь, конечно, не о собрании людей в тесных квартирах на манер сектантов. Сектантство, как, впрочем, и глобализм - самые печальные карикатуры на социальное христианство. Не случайно, что именно сектанты, глобалисты и фундаменталисты

вернее всех групп разобщают людей и категоричнее всех отклоняют дух. Петь песенки и утопать в умилении от себя и собственной веры в Бога, размывать все печати культур в муторном чувстве безродного космополитизма, превращать нежнейшее психологическое содержание веры в бетонный фанатизм – верный признак полной деградации личностных смыслов человека. Но если сектанты отмежеваны от каких-либо социально-политических задач, то построение политиканских, оторванных от действительности планов всемирно-исторического значения входит в задачу политиков-глобалистов. Необходимо тщательное познание и самопознание, т.е. следование призыву апостола Павла пробудиться, означаящему расширение и просветление сознания в его постоянных метаморфозах, чтобы не попасть в капкан объединений без смыслов единства. Могут возникнуть два возражения. Первое: в наш век бешеных оборотов на такого рода деятельность нет времени, и второе: сначала надо решить вопрос насущного хлеба, а потом заниматься саморефлексией. Но если у многих хватает времени на сомнительные развлечения или скуку, то найдется время и на это, и если вопрос хлеба, как видно всем, не решается без саморефлексии, может он решится вследствие нее? Со всей же определенностью вместе с саморефлексией решится другое: психологически достойная жизнь, ибо жить в недостойных условиях и быть недостойным человеком, т.е. лишенным достоинства и сознания своего достоинства – вещи разные. А. Маслоу утверждал: потребности высших уровней (духовные потребности) также инстинктивны, т.е. жизненно вживлены в природу человека, как и потребности низших уровней (витальные). Иначе говоря, для жизни на земле дух и духовное познание необходимы не меньше, чем тело и душа. Следовательно, необходимы идеалы, которые сами по себе духовны и не подчинены рынку, как это происходит с современной культурой, включая церковь. Все дело в том, чтобы быть призванным, как говорил филиппинский правозащитник Никанор Перлас, «к мужеству взять на себя риск действовать исходя из наших самых высоких идеалов и глубочайших источников убеждений» [5]. И это отсутствие идеалов ощущается сегодня как насущная потребность, которая может, к примеру, принять форму национальной идеологии. Единственное же, что сегодня нам предлагается, как сказали бы коммунисты, «на идеологическом фронте» – это т.н. «этновера» или «родорелигия» (հայրենիք), что, скажем прямо, «не густо».

3

Бесспорно, что род, нация, религия и церковь пребывают в глубинных пластах бессознательного, как бы кто не пытался отмахиваться от них. Даже те эмигранты, которые намеренно поставили цель отмежеваться от национального и ассимилироваться без остатка, носят в глубинах бессознательного неискоренимый и досадный дух народа. Продолжая игнорировать его, такой армянин «награждается» немотивированным беспокойством и спадом настроения, неясным ощущением, как если бы ему очень нужно надеть ботинки, но он знает в своем подсознании, что один ботинок находится у него в руках, а другой – в далекой Армении. Исключения могут составить только те, кто достиг духовных вершин и попробовал вкус внутренней свободы, кто может позволить себе произнести вслед за Хьюго из Сен-Виктора (саксонский монах

XII века) слова: «Тот, кто любит свою родину, только слабый новичок. Тот, для кого любая земля становится родиной, уже сильнее; но совершенен тот, для кого весь мир – чужбина». Но это, повторим, – самая вершина проработанности глубинных корней бессознательного, после которого национальное преодолевается, ибо развивается и метаморфозизируется в более высокий принцип духовного родства: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» [от Матф., 19;29]. Не видя и не зная этот вдалеке сияющий маяк, мы не можем найти направления, которого необходимо держаться, сколь бы далек и извилист не был путь к своей искомой идентичности.

Сегодня это кажется недостижимым как в сознании, так и в поведении. Во-первых, эту благословенную идею испоганил его карикатурный двойник под названием «глобализация», во-вторых, над сознанием современного человека слишком долго и последовательно велась работа для того, чтобы такого рода истины отвергались или воспринимались как фата-моргана. Грандиозная суггестия, изливающая свои потоки на сознание, сделало его импотентным для восприятия духовных истин. Всепроницающая поверхностность, моральный релятивизм и смешение понятий, отсутствие зачатков мировоззрения и хоть сколько-либо приблизительного видения будущего, оставила от сознания и самосознания человека только ту ее убогую часть, которая способна подсчитывать личную, групповую или национальную выгоду. Этот всеобщий порядковый счет может смениться только на всеобщий произвол и хаос, ибо доведенное до виртуозности считывание выгоды закрывает доступ к осознанию настоящей стоимости чего бы то ни было. «Вы куплены дорогою ценою, – говорит апостол, – не делайтесь рабами человеков» [I Кор. 7.23]. Учитывая реалии современной мировой политики, среди которых на первом месте стоит жадность, из-за которой мир неудержимо скатывается в пропасть, а также исторически закрепленные паттерны поведения наших соседей, можно представить, как несвоевременно могут прозвучать слова Христа об «оставлении домов и братьев», особенно для слуха «сверхумного животного», ряды которого то и дело пополняются. Но дело не в буквальном «оставлении домов», а как раз в их отстаивании и защите, но на основе иной спирали развития, иного, не присваивающего и инфантильно-предметного мышления, а зрелого предметного мышления, вобравшего и переработавшего в себе мудрость древних непредметных категорий.

Душа, одним концом упирается в телесное (кровь, племя, почва, род, наследственность, групповое), другой же конец ее неотрывно связан с духовным (ценности, ответственность, творчество, любовь, индивидуальное). Самое фундаментальное различие между этими двумя заключается в том, что первое задано и принудительно, второе – дело сугубо свободного выбора. Власть играет на первом, манипулируя «почвой» и «групповым» ради укрепления, сохранения и обогащения себя. Через почвенность «верхи», вместо служения «низам», оболванивают и подавляют их. Высший же владыка все совершает наоборот: служит человеку (омовение ног как символ), освобождая от гнета группового, пробуждая дух и ориентируя на индивидуальное. Хромая на одну сторону (кровь, почва и национальный пафос), нация не догадывается, насколько близко она стоит к тюркизму: фетиш крови, племени

и группового сознания немногим отличается от голословного, ни на чем не основанного и ничего не объясняющего лозунга начала прошлого века: «Какое счастье быть турком!»; мусульманская дрожь перед фатумом немногим отличается от отказа от духовного познания и духовной свободы, составляющей средоточие христианства, а представление мусульман о рае с садами, сладкими фруктами и красивыми наложницами - от туманного представления о посмертном существовании. Уже тот факт, что часть армян придерживается принципа сиюминутной выгоды любой ценой, пустословя о морали, правах и патриотизме, сближает их с турками, воздвигнувшими этот принцип в исторический паттерн поведения - не труд, творческий и вдохновенный, а изобретательная халява (у нас на этот счет даже есть специальное словосочетание: «ն թէ գործ տնտի, այլ գործ լիցցնի»). Если эта «изобретательность» станет регулятором трудовых отношений, то на это растрачены волевые силы и национальная креативность. Это не опасно только для наций, которые не выделяются креативностью. Анализируя политику Турции в отношении стран Закавказья, А.Н.Кантемиров заключает: «Налицо стремление Турции обеспечить себе сиюминутную выгоду и играть главную роль в экономике Азербайджана и Грузии без серьезных (для этой цели) инвестиций, опираясь часто только на декларации вечной дружбы и популистские заявления типа «Одна нация – два государства» [6, стр. 161-166].

Кто из-за неспособности властей Армении обеспечить гражданам достойную жизнь «отвоевывает» достойную жизнь любыми средствами, платит за это также достоинством. Этот своеобразный реверс не сразу замечается, потому что обретение достоинства относится к физическому миру (достаток и сознание силы), а его потеря (игнорирование совести) - к психическому (подсознательный страх, чувство пустоты и бессилие «Я»). Этот тип армян, приспособленный к упрощенным условиям амебной жизни (движения в сторону пищи), и как следствие, движения в сторону лжи, лицемерия, кланового эгоизма и сиюминутной выгоды, как бы воспитывался на таких турецких пословицах как: «Правду говорят дети и дураки» (Bir çocuktan bir deliden al haberi), «Никогда не стоит говорить всей правды» (Doğru söyleneni dokuz köyden kovarlar), «Лучше полправды, чем вся правда» (Sürüden ayrılan koyunu kurt kapar), «Соверши одну хитрость, получи тысячу монет» (Kıl bir hile, al bin akçe), «Мир закончится, а ложь-нет» (Dünya tükenir, yalan tükenmez) и т.д. [7]. Стоило бы по контрасту сравнить последнюю поговорку со словами: «Земля и небо прейдут, но слова мои не прейдут» [Мт, 24;35].

Дешевый турецкий уклад напоминает, к сожалению, нынешняя политическая ситуация в Армении. Примечательно, что параллель можно провести с ситуацией 1895 года в Турции. Спустя год после расправы над сасунцами, которая, по свидетельству А.Амфитеатрова, «далеко оставила за собой Варфоломееву ночь, Сицилийскую вечерю и кровавую баню Христиана II», выдающийся французский дипломат Поль Камбон в письме министру иностранных дел Франции (15 февраля 1895 г.), сообщая о героической битве между армянами и турецкими властями, поделился с ним следующим наблюдением: «Я присутствую здесь и на другом спектакле: это полное и роковое разложение власти. Султан прибрал все к рукам. Больше не существует ни великого визиря, ни министров, ни генерального штаба. Все решается во дворце – как

большие, так и самые маленькие вопросы. Все остановилось, ибо вопросы решаются в одном только кабинете хозяина и милостью его коррумпированного окружения. В империи не существует ни администрации, ни государственного организма. Сверху и донизу все подчинено прямым приказам хозяина» [8, стр.53]. Политическая ситуация в сегодняшней Армении идентифицирована с турецкой еще в одном моменте, а именно, в постоянных, сложных разобщающих играх в этом поле. Итальянский учёный Ф. Сансовино писал: «Во время военных кампаний (турки) способны есть очень мало, они непоколебимы, когда сталкиваются с трудными задачами, подчиняются своим командирам абсолютно и упорно воюют до победы. В мирное время они организуют разногласия и беспорядки между подданными ради восстановления абсолютной «справедливости», что при этом выгодно самим им» [9].

Возвращаясь к турецким пословицам о правде, отметим, что следовало бы рассматривать их не только как симптом, диагностирующий психологию турок, но как прекрасное профилактическое средство для нашего (и не только) психологического здоровья, а также как руководство к действию. В Нобелевской лекции по литературе в 1972 г. А. Солженицын сформулировал это так: «И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть э т о приходит в мир и даже царит в мире - но не через меня».

4

Подспудное влияние психологии турка можно отнести не только к нам, но и к Западу, которая проявляет тенденцию к мусульманизации. И дело не в количестве мусульман или в их экспансивных тенденциях, а во внедрении в психологию европейца идеи фундаментализма, в частности, положения о том, что Корану (демократии, правам человека или чему-то еще) нужно следовать не из свободы, но исключив каждую мысль, несущую возможность индивидуального мышления. Единство мусульман строится на общезначимых догматах и групповом мышлении, и с точки зрения механизмов групповой психологии совершенно не важно, идет ли речь о Коране или Евангелии, хотя в мире, в отличие от ислама, далеко не очерчен контур объединения людей на основе христианства. Зато налицо контуры разъединения христианского мира на основе индивидуального, национального и государственного эгоизма под прикрытием удобных абстракций вроде гуманизма, толерантности, гендерного равенства и прочей болтовни, не имеющей касательства к конкретным жизням. Еще в 1901 году арменофил Да Роберти обратился с воззванием к Европе, которое носило название «Proh Pudor!» («Какой позор!»). Среди прочего, в воззвании были такие слова: «святость дела армян была доказана Европе», ...и она это поймет, «если снова обретет «краску стыда», которую она, кажется, потеряла!» [10, стр. 398]. Зато она приобрела ...улыбку на лицах уважаемых членов всевозможных Евросоветов, наблюдающих шибко демократические выборы в таких странах, как Армения! Чем не замена нежной «краске стыда», которая за столетие окончательно исчезла под толстым слоем «толерантности»?

Но еще в более глубоком смысле в мире происходит процесс, имеющий фигуральное отношение к исламу. Известный психоаналитик Бруно Беттельгейм, будучи

в гитлеровском концлагере, наблюдал поведение заключенных. Среди прочих, он выделил группу людей, который назвал «мусульманами», хотя к мусульманам они не имели отношения. Просто они смирились с внушаемой СС мыслью, что в лагере они должны стать трупами, и их фатализм приводил к внутреннему саморазрушению через невозможность к самополаганию, отсутствие незначительной, но своей мысли, подчинение приказам автоматически, без ненависти к издевательствам, без какой-либо оценки к происходящему, которая давала хоть какую-то внутреннюю свободу. Внушаемое и научаемое поведение строилось по Беттельхейму на установке: «ты можешь видеть только то, что мы хотим, знать только то, что мы хотим, ты не можешь иметь никакой эмоциональной, хоть и не выраженной реакции», что успешно насаждалось и дрессировалось. Сначала они теряли всякую эмоциональную реакцию на происходящее, потом пока что «двигали глазами, потом, много позже, уже не двигали глазами, но продолжали двигаться по приказу, не делая ни одного движения по своей воле, потом переставали поднимать ноги при ходьбе - шаркающая походка, потом смерть» [11].

Не к этому ли в самом конечном счете двигается современное человечество? Просто метод воздействия здесь не истязание с помощью изощренных пыток, бессмысленной работы и угрозы смерти, а психологическое уничтожение человеческого «Я» с помощью достигшей абсурда толерантности, бессмысленного потребления, избыточной пошлости, торжествующего дилетантизма и всепроникающей лжи. На смену прямой жестокости пришли манипулятивные приемы, но общее - все та же обструкция эмоциональной реакции, одинаково ненавидимая как тогда, так и сейчас. Именно она – начало пути к «мертвому» сердцу, потому что «живое» досаждают как «банный лист»! Можно было бы прямо изъять из всех языков такие слова, как «стыд», «совесть», а заодно и «сознание», которому больно и беспокоит по причине собственной раздвоенности: одна часть еще способна удивляться, любить и ненавидеть, другая, сразу вслед за ней, - уже нет. Но с каждым «провалом» этих способностей, возрастает чувство униженности и страх за сознание, которое уже не сможет вместить и удержать проглоченные, но не переваренные и проигнорированные переживания, рвущиеся из бессознательного в поведение. Общее, поэтому, заключается также в униженности и угрозе смерти, в одном случае физической, в другом – личностной. И еще одно совпадение: бороться с «кнутом» как внутри концлагеря, так и вне его безрассудно, тогда как целовать этот «кнут» за пайку или атрибуты роскоши - «верх» рассудочности. Допустимо еще одно: ни при каких обстоятельствах не «высовываться» - ни целовать «кнут» и не ни бороться с ним, и вообще, ничего не делать, ни о чем не думать и не тратить ни капли эмоциональной энергии. Понятно, что в такой атмосфере полным ходом идет вытравление, замалчивание или наказание тех, кого увлекает риск познания, самоправности и «функциональной автономии» (термин Г.Олпорта), и, соответственно, пестование безличного, несложного, и серого человека, от которого «взятки гладки», рефрен которого «я маленький», а песня - разве что строки Ф. Сологуба:

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?

Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

«Большой жираф, кому видней» любит этих «маленьких» непомерно, он на них держится, не зря долго и последовательно взращивал этот материал на дрожжах страха и поощрения изворотливости. Поведение их, невзирая на породу, не повадки затравленного страхом зверя, а уверенной в себе компании, избалованной успехами и стоящей тесно рядом с «жирафом». Осевая их черта - окончательная потеря способности удивляться и четкий расчет всех мероприятий, ведущих к выгоде, - от мельчайшей лести до крупного «кидания». Причем удивление не подключается даже тогда, когда манипуляция не сработала и расчет не оправдался - с завидным упрямством и без сожаления все запускается по-новому. Это поведение процедурной сестры после ухода пациента в мир иной, которая механически записывает: «все назначенные процедуры выполнены», ни на минуту не задумываясь о том, что если процедуры выполнены, почему пациент умер. Удивление. Хоть это последнее можно было бы оставить при себе.

5

Близость психологий армян и турок абсурдна и досадна. Принцип «волк силен в стае» - наиболее противна армянству. Все, что ставит этому индивидуальному духу препоны, что противится креативному и оригинальному, вызывает у него отторжение и скуку. Но помимо этой обобщенной характеристики, назревают исключения: внутри Армении сложилась форменная «стая», а внутри Турции появляются маркеры индивидуального видения проблем. Если в турецком обществе отмечаются эпизоды стремления стряхнуть груз намешанного на крови группового «гена», и, следовательно, истории, то в Армении сложились мафиозные группы (в сфере политики, науки, образования, культуры, здравоохранения, бизнеса), основанные исключительно на групповых договоренностях и выгодах. И поскольку армяне давно отказались от прелестей групповой психологии, эта клановость вызывает раздражение не только по причине богатства и репрессивных возможностей, но и по причине неудовлетворенных экспектаций проявлений индивидуальной психологии.

Вогнать индивидуальные способности в национально-стереотипное не удастся также по причине различий в субэтносах. Это различие - постоянно беспокоящий армян фактор. По общепризнанному мнению он препятствует формированию чувства единства нации, и самое большее, что против этого делается - декларируются фразы типа: нет разницы в том, что ты гюмриец, карабахец, американский армянин и пр. При этом, непрекращающийся поиск общих свойств ни к чему не приводит, потому что общее можно найти только через детальное изучение различного. В упор не замечая этих различий, мы прячем голову в песок, отмахиваясь банальным «разделение - это плохо». Специальные исследования должны будут определить позитивные и негативные стороны субкультур и определить путь, благодаря которому эти различия не влияли бы на межличностные отношения. Полагаем, что он состоит в постепенном сознательном переводе субкультурально-групповых особенностей на

индивидуальный уровень. Например, если выходец из Гюмри осознает, что его хвастовство не является его личностно-типологическим качеством, а привнесено субкультурой (то же с условностями грузинских армян, загоняющих их в несвободу, с агрессивностью карабахцев, которая неуместна в мирной жизни и пр.), то это станет лучшим способом освободиться как от черты, так и от вложенного в подсознание группового влияния. То же касается позитивных черт, от которых также необходимо растождествляться, ибо кому нужны достоинства, если они привнесены, будь то природой или социумом, но не выработаны самостоятельно и индивидуально?

Вся вызывающая содрогание история Армении - свидетельство двойного отмежевания духа армянства во-первых, от слепых кровных связей, во-вторых, от слепых гражданских прав. В обоих случаях речь идет о групповых связях и привязанностях, нарушающих автономию индивида. Эта особенность культурной доминанты проявляется в самобытности творчества (так, орнаменты многочисленных хачкаров никогда не повторяются), в межличностных отношениях (по причине четко оформленных индивидуальных мнений, армянам трудно принимать групповое решение), спорте (командные виды спорта армянам не удаются) и пр. Служение групповому происходит только при условии осознанного выбора, исключительной добровольности и бдящего «Я» (исторические примеры можно привести от Аварайрского сражения до формирования добровольческих отрядов в Карабахской войне 90-ых годов). Армянин - одиночка. Ему важна уверенность в собственной правоте, а не в правоте группы, он индивидуален и автономен вплоть до индивидуализма, а мысль его стала его личной собственностью раньше других переживших ренессанс народов. Вот почему в 1915 году племенной отставший дух крови и кастрированное «Я» восстали против индивидуального духа, что позволяет заключить, что подлинный враг Османской империи – дух и духовная свобода, ведущая к личной независимости вплоть до потери государственности [12, стр. 37-47].

Другая особенность культурной детерминанты армян заключается в отношении к образованию. Начиная с влияния зороастризма и халдейской звездной божественной науки (армянский стоунхейдж) армяне стремились не только физически покорять природу, но культивировать познание внешнего мира. Отношение к искусству (древний театр, самобытная архитектура и пр.) и образованию, невзирая на исторические бедствия, было и остается культовым. Исследование профессора Петра Хараниса доказало фундаментальную роль, которую пятьсот лет играли армяне в политической, военной и административной жизни Византийской империи (они служили солдатами и чиновниками, администраторами, художниками и мастерами, а добрая половина византийских императоров была армянского происхождения)*. Но самой важной была их роль в образовании и интеллектуальной жизни. Достаточно указать на Фотия и Иоанна Грамматика, как самых известных преподавателей первого в

* Тем не менее, «в час опасности, когда турки-сельджуки лишали Византийскую империю Малой Азии, Византия, вместо того, чтобы найти защитников в армянах, которых она обустроивала на своих территориях, увидела в них своих противников, тем самым, поспособствовал успеху своих свирепых противников» Laurent, *Les origines medievales de la question Armenienne*, Rev. des Et. Armeniennes I (1920), цит по: П. Харанис, указ. соч.

мире Константинопольского Университета (основан в 425-ом, но получил статус университета в 848-ом) [13].

На территории Армении первые христианские монастыри, являясь колыбелью образования, дали импульс к созданию университетов: Гладзорский университет (около 1280 г.) упоминается историками как высшая школа афинского типа и получила название «Другие Афины» (учеба длилась семь лет и имела две ветви - теорию, куда входили арифметика, музыка, геометрия и астрология и практику, которая состояла из трех дисциплин - нравственности, экономики, политики) и Татевский университет (1390 г.) с тремя факультетами, 500 монахами, множеством студентов со всех концов Армении и Киликии, учеными и богословами, по свидетельству историка, «глубокими как море». Если первый печатный текст на армянском языке («Отче наш») был опубликован в Майнце в 1475 году, а первая армянская книга Акопом Мегартаром в 1512 году, то первая турецкая книга - в 1729 году. В начале XX века 90 % турок оставались неграмотными, тогда как неграмотных среди греков составляло 50 %, а среди армян - 33 %. [14, стр.180-181].

В пылу захвата, убийств и грабежа, кочевые турецкие племена не имели возможности основывать театры и университеты. Уместна будет здесь ирония Буало: «Les animaux ont-ils des universités? Voit-on fleurir chez eux des quatre facultés?» (Разве у животных есть университеты? Разве у них процветают четыре факультета? фр.) Только после захвата Константинополя (1453 г.) хитрому Мехмету второму пришла в голову мысль об основании высшей мусульманской школы. Лишенные на века благодати познания, что граничит с богооставленностью, турки не могли испытывать нравственное потрясение ни от безобразного, ни от прекрасного, невзирая на внешний расцвет и украшение страны потрясающими ландшафтами, выбитыми из рук византийцев, греков и армян. История неумолима, как бы турки не присваивали себе лавры своих жертв - Константинопольский университет, храм святой Софии или развалины Урарту вокруг обмелевшей части озера Ван*. Более того, в указанном пылу кочевые турецкие племена не имели возможности более или менее сносно сформировать собственную национальную идентичность. Обладающий интеллектуальной честностью и личным мужеством турецкий ученый Танер Акчам пишет: «**О национальном «Я» впервые серьезно начали думать лишь в начале XX века**» [15]. Только тогда, когда, как отмечает профессор социологии Эмре Конгар, хозяева территорий поняли, что «государство, которым они управляют - это империя, возникшая на чужих территориях и с чужим населением, они осознали себя именно как турки. Понятия турецкая нация, турецкая родина, турецкий язык и турецкая культура — всё это возникло в те времена» [16]. Парадоксально, но именно армяне дали толчок к формированию национальной идентичности турок, ибо ощущение

* Согласно «открытию» профессора Стамбульского университета изящных искусств Суфи Саатчи, опубликованному в ежемесячном турецком журнале по вопросам истории и культуры «Yedikta Dergisi» за апрель 2013 года, нынешнее здание Святой Софии не византийского происхождения, но является творением известного османского архитектора Мимара Синана, автора множества мусульманских построек по всему Балканскому полуострову. Только вот единственное, о чем сторонники этой теории забывают сказать, так это христианское происхождение знаменитого Мимара Синана. По одной из версий, он был родом из греческой православной семьи Каппадокии, по другой – из армянской. Источник: www.agionoros.ru

идентичности возникло одновременно с обонятельным ощущением пролитой армянской крови.

Нелепо говорить о национальном, не касаясь личностей, несущих на себе печать нации. Среди них в первую очередь нужно отметить индивидуальность, стоящую особняком в мировой культуре и одновременно в центре душевной культуры всего армянства - от пастуха до академика. На протяжении десяти веков армяне имели импульс внутренне соединиться с духовной свободой, которую привнес в мир Григор Нарекаци. Эта третья составляющая культурной доминанты армян еще с X века светит путеводной звездой не только для армян, но для каждого, кто осмеливается на путешествие внутрь себя, ибо он был первый, кто основательно и из сознательной воли проработал весь арсенал содержаний собственного глубинного бессознательного, придав ему точное художественное оформление.

В качестве культурной доминанты в Турции, представленной самой почетной личностью, может служить «отец турок» Кемаль-паша, который, невзирая на политическую конкуренцию с другими «паша», прославившимися «кровавыми мясниками», и их дальнейшее осуждение, отличался от них разве что более цивилизованными способами ведения войны, тогда как осуждение было исключительно политическим шагом, потому что вначале бойни он принял «программу младотурок», и его главные цели совпадали с целями последних. Кроме того, после победы Кемалья многие участвующие в геноциде младотурки поддержали созданную им Республиканскую партию.

Как бы то ни было, христианский святой и мусульманский политик, умело использующий хитрости войны, дипломатии и резни миллионов, несравнимы, поскольку не маркируется допускающий сравнение логический порог. Взамен легко проводится аналогия с другим политическим деятелем и главнокомандующим войск А. Гитлером: «Почему меня должна заботить христианская доктрина бесконечной любви и моральной ответственности? С ледящей ясностью я противопоставляю этой доктрине великую доктрину о ничтожности и абсолютной незначимости индивидуума. ...Я освобождаю человека от потребности в духовной свободе и личной независимости, каковые могут выдержать лишь очень и очень немногие люди» [17, стр. 215-216]. Не случайно, что идея использования мусульман в ходе Второй мировой войны исходила из симпатии Адольфа Гитлера к мусульманам. «Я доверяю лишь мусульманам. Всех остальных я рассматриваю как ненадежных, — заявил он в 1942 году в ставке командования. Я не вижу никакой опасности в создании полностью исламских подразделений» [18, стр. 261- 262].

«Сеть» турецко-гитлеровского образа мыслей накинута на наши дни. Среди массы примеров подобного теоретического и практического «выводка» в различных областях современности приведем один, из области организационной психологии. Так, Г. Геркен причисляет духовную ответственность и комплекс вины христианского образа мыслей к враждебным для эволюции и прогресса факторам. Ради прогресса, считает он, следовало бы беспрепятственно разрушать и действовать антиэтически: «Моральность рынка состоит как раз в том, чтобы не иметь никакой морали», а «дух в действительности есть не что иное как интеллект» [19, с. 9-17]. Собственно, дилемма духовной свободы (личной ответственности и значимости индивидуальности) и

антиэтического интеллекта (безраздельного духа конкуренции, групповой детерминированности и социального дарвинизма) только сейчас приобрела четко полярный теоретический характер и массовое прикладное значение. В области психологии это отразилось в том, что по одну сторону находятся ортодоксальные бихевиористы и экспериментаторы, отказавшие человеку в этических и сознательных прорывах и растирающие индивидуальное «Я», а также З.Фрейд, увидевший в нравственном лишь угнетающую и обвинительную функцию, Дж. Барг, исключаящий какую-либо индетерминированность и вогнавший человека в «невыносимый автоматизм бытия» и др., на другой - трансперсоналисты, доказывающую условность даже телесной детерминированности, гуманистические, вершинные и аналитические психологи, разглядевшие в нравственном в сочетании с автономностью «Я» освобождающую, действенную, жизнеутверждающую, самовольную и творческую силу.

Так что глубоко заблуждался Талаат-паша, когда во время беседы с представителем посольства Германии Форстом Гогенлохе-Лангенбургом 31 августа 1916 г. выдал желаемое за действительное: «La question armenienne n'existe plus» (армянского вопроса больше не существует). Сто лет истории доказывают: армянский вопрос становится все актуальнее.

6

В итоге, исторический маркер турецкой культуры - имперские тенденции и беспощадный захват во имя внешнего процветания и игнорирование проблем внутрипсихической и духовной жизни. Воля турок направлена на овладение физической субстанцией угнетаемых народов: физические тела и территории, тогда как проблемы познания, в том числе познания бытия в горнем мире, для них предельно просты. Достаточно указать на детально расписанный и приближенный к земному рай, на тему которого изящно иронизирует Гете: «Расскажут вам о рае мусульмане, // Как будто там бывали... слово в слово» [20, стр. 410]. Незначительное исключение (от 5 до 10%) составляют, пожалуй, некоторые тенденции синкретического алевизма, сложившегося под влиянием суфизма, персов и христианской Анатолии и исповедывающего духовный путь развития. На протяжении веков, однако, алевиты подвергались жестоким гонениям со стороны ортодоксальных мусульман и властей; не случайно, что незадолго до начала армянских погромов алевизм был запрещен и по сей день имеет в Турции спорный статус, поскольку жестко формальная ортодоксальная традиция накладывает на него печать ереси.

Исторический маркер армян - внешние потери, бедствия, смерть и мрак, упование на внутренний свет, приходящий из духовного мира, познание и акцент на индивидуальное развитие. Естественно, что отуречить такое сверхчувственное стремление неподвластно никакому ятагану. Вот почему младотурками двигал не рациональный страх, а *нуминозный* ужас. Категория нуминозного - нечто большее, чем страх; это ужасающее чувство присутствия демонического или божественно-священного в глубинах подсознания, вызывающее одержимость действия помимо воли совершающего действие. В работе «Архетип и символ» К. Юнг относит подобный неосознаваемый материал, который пробивается через контроль Я, к прорыву

бессознательного в патологических ситуациях. Нуминозное, согласно Р.Отто, имеет различные проявления и градации, первая их которых совершенно иррациональное, примитивное, сбивчивое духовное переживание ужаса: «В форме «демонического ужаса» это есть, собственно, отличительная черта так называемой «первобытной религии» - наивное, сырое и первоначальное ее пробуждение» [21, стр. 20]. Иначе, нуминозный ужас инспирирован первобытным и отсталым, т.е. отставшими в развитии духовными силами или падшими духовными существами. Отсюда один шаг к пониманию того, что это событие подготавливалось в духовных мирах, но не в размытом и абстрактном понимании, а со стороны конкретных духовных существ. Не в силах справиться с этим влиянием в собственном подсознании из-за неразвитости и варварского прошлого, турки спроецировали нуминозный ужас на физический ужас в форме массовых зверств над армянами*.

В психологическом плане основной причиной геноцида явилась накопившаяся за много столетий злоба и униженность в сочетании со стадным инстинктом и пантюркистскими амбициями*. Геноцид явился выходом злобы за нарицательное имя «турок» у европейцев и постоянные издевки по этому поводу. Сыграла роль также ярость по поводу тяжелого поражения Турции в первой балканской войне. Известен наказ своему сыну Дженаба Шахабеддина, опубликованный 1 июля 1913 г. в газете «Азм»: «Пример с болгарской армией показал, что... каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаждать крови, быть безжалостным, убивая детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, жизнью, честью других. Таким образом, давайте оставлять после себя кровь, страдания, несправедливость, траур - только таким путем мы сможем добиться любви у цивилизованного мира». Еще один красноречивый пример: Карабекир-паша спрашивает у полковника Османской армии: «Бекир-бей, зачем ты так? В чем провинились эти люди?» Тот невозмутимо отвечает: «Я свожу с ними счеты за 400-летнюю османскую историю» [22]. Автор психологической теории унижения, инициатор Международной организации «Человеческое достоинство и исследование унижения» и разработчик конструктивных способов выхода из ситуации унижения Э. Линднер уверена: унижение нации приводит к войне, жестокость которой варьируется в зависимости от ее культуры [23]. Психологически объяснима также прямая корреляция между тупой покорностью и звериной жестокостью, о чем пол века спустя красноречиво засвидетельствовали эксперименты Милгрема и Зимбардо.

Наконец, политической причиной геноцида явилась нелояльность армян и их нежелание участвовать в войне на стороне Турции, хотя нелояльность исходила не из вражды к турецкому правительству, а из желания мирно созидать свою культуру и

* Об этих беспрецедентных зверствах выразились не только такие совестливые личности как Ф.Достоевский («ни один зверь не мог бы быть так художественно жесток») или В.Соловьев («Три разговора»), но даже чудовищный Сталин поражался жестокости турок. В статье «Национальный вопрос и ленинизм» он писал: «Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов».

* В 1911 г. в Стамбуле вышла книжка, озаглавленная «Три политические системы». Юсуф Акчура, Али Кемаль и Фарид Ахмед, на страницах которой развивали каждый свою точку зрения на то, какая из трех систем — османизм, панисламизм или пантюркизм — должна стать наиболее выгодной политической доктриной для Турции (Джон Киракосян, Младотурки перед судом истории, <http://armenianhouse.org/>). Любопытно, что на основании этого скудного выбора они называли себя плюралистами.

экономику. Последняя причина наиболее осознана для самих турок и документально подтверждена историками. Разумеется, можно было бы не утруждать себя поиском неосознаваемых духовных или частично осознаваемых психологических корней геноцида, но познание такой манифестации зла, какой является геноцид армян, не может быть ограничено тем, что можно увидеть глазами и услышать ушами. Мы обязаны рассматривать зло с различных точек зрения, и, как отмечает польский философ и священник Пётр Мжиглуд, «признать, что нынешнее существование человека тесно связано с «испытанием зла», в различных его формах и проявлениях» [24].

Не пытаясь искать закономерные связи между различными пониманиями активно испытующего нас зла (на то это и испытание, что не допускает однозначной интерпретации), мы рискуем отнести геноцид, говоря словами Вольтера, к «его величеству случаю». Чем более мы будем рассматривать геноцид исключительно как случайность, чем в принципе заняты историки (такая политическая ситуация сложилось вследствие первой мировой и пр.), тем тщательнее мы будем скрывать знание о том, что он непосредственно относится не только к судьбе армян, но к кармической необходимости всего человечества, которую армяне испытали на себе. Высокая необходимость, по мысли Гете, властвует даже над низкой случайностью. Вот почему всемирное понимание и признание геноцида нужно не только и не столько армянам, сколько миру, прежде всего, христианскому, если он отряхнется от дремоты и отважится наконец познать «Откровение Иоанна» не как угрожающую научной репутации басню, а во всем его серьезном и значимом духовно-научном статусе. «Можно с уверенностью сказать, - пишет А.Демидов, что это (депортация армян и их массовое убийство на дорогах) было первое деяние апокалипсического Зверя в XX веке» [25, стр.78, 90]. За истреблением армян последовал выход Зверя, связанный с именами Сталина и Гитлера и еще последует третий, связанный с планами вахабитской империи (ныне исламского государства). Более того, как отмечает автор, даже дата возникновения империи турок-османов (1326 год), произошедшее незадолго до памятного года ($666 \times 2 = 1332$) имеет отношение к апокалиптическому Зверю. Природной необходимости турок нести ужас народам, включая арабов-мусульман, которые пришли в Европу, в частности в Испанию, хотя бы со своей культурой, в других концах земли противостояло рыцарство, искусство и познание.

Учитывая все это, приходишь к удивительному выводу: невзирая и вопреки всему, турецкая нация имеет гораздо более трудную судьбу, чем какая-либо из ею поработанных, ибо тяжесть, осевшая в подсознании турка, перевешивает любую тяжесть самого ужасающего физического истребления. Физическое событие часто контрастно противопоставлено психическому. Так, в физическом мире между двумя крайними точками пролегает наибольшее расстояние, в психическом - наоборот, на чем основан принцип амбивалентной игры чувств: от любви сразу переходят в ненависть и наоборот. Поэтому от смертельного врага, вопреки волевому отвращению и в противоположность изначальным национальным доминантам, можно получить внедряющиеся в подсознание интенсивные влияния. Ужас геноцида, следовательно, даже не столько в этой ужасающей массовой резне, а в воздействии, которое, если использовать терминологию психосинтеза, ищет «нижнее «Я» армян проти-

востоять супостату не со стороны своего «Высшего Я», а перенять его ненавистный облик. Эта мощная контр-действующая подсознанию сила «Высшего Я» действует через надсознание (по Г.Кюлевинду) или сверхсознание (по Р.Ассаджиоли) в психологии армян.

Каковы отличительные признаки надсознания как в этнопсихологии, так и в психологии индивида? Представим сначала данную Г.Кюлевиндом таблицу:

Подсознательное	Надсознательное
готовое	незавершенное
привычка	способность
повторение	импровизация
сформированное	не имеет формы
ассоциации	мышление
эмоции	чувство
инстинкт	собственная воля

Хотя «левая колонка играет гораздо большую роль в человеческой жизни, чем правая, но все специфически человеческое находится в правой колонке» [26, р. 79]. Арсенал подсознания - смутные эмоции, автоматические ассоциации, стереотипы, клише, рационализации, рассудочно оправданные импульсы (как если бы все шло по хорошо продуманному решению), инстинкт, себялюбие, ригидность, связанное предпосылочное внимание, фиксированные мыслительные формы, которые не когнитивны по существу и основаны на повторе. В надсознание включено познание, которое автономно, не обращено и не проистекает из эго (по Кюлевинду, «познание бессамостно или это вовсе не познание»), не сформированное и не мотивированное заранее внимание, которое может временно принять некую форму, но легко обращаться к новому объекту, без чего нет творчества, импровизации, творящего нового жеста.

Естественно, нет индивида или нации без надсознания и подсознания. Психическая жизнь разыгрывается между этими двумя границами. Но психика, которая не знает освобождающего от психологического рабства надсознания или сверхсознания и руководствуется только подсознанием, превращается в матрицу, все изменения в которой протекают не по принципу метаморфозы и созидательности, а по принципу мутации. «В микротекстуре матричного повторения, неразрывно связанного с процессом мутации, всегда таится зло куда более разрушительное, чем в видимых эксцессах зла» - отмечает Ю.Дуплинская. На современном этапе зло скорее приходит в мир не как видимая борьба, а как мутация, «которую чрезвычайно трудно разглядеть и артикулировать» [27].

Логично было бы в этой связи сегодняшнюю изощренно-хитрую внешнюю политику Турции рассматривать как мутацию былых убийств и грабежей. Существует русская присказка, передающая смысл испытания: «Человека не пощажу, а тебя достану, - говорит Бог дьяволу, поражая его громовой стрелой [28, стр.927]. Если геноцид явил ярчайший пример открытого зла, сквозь который просматриваются его скрытые причины, то при закодированном зле, какое является смешение понятий, человек видимым образом «щадится», но разрушается в самом основании, преобразаясь из человека в челядь, вслепую служащую неведомому хозяину. Эта мутация зла

заставила Ж. Бодрийяра утверждать: «Единственный настоящий вопрос, встающий перед нами, вопрос о том, куда проникло Зло? Оно проникло повсюду: анаморфоз всех современных форм Зла бесконечен», что естественно для общества, которое облагораживает отрицательное и безобразное путем «эстетической хирургии» [29, стр. 35]. Без эстетических подтяжек действительности можно утверждать, что хотя никакой народ не может быть безысходно эгоистичным или тупым, не в одном народе невозможно бесконечное размножение одной и той же матрицы, уже беглого взгляда на вышеприведенную таблицу достаточно, чтобы определить дозу участия над- и подсознания в этнопсихологии армян и турок. Он определяется, прежде всего, избытком или недостатком индивидуальностей, следующих принципам над- и подсознания, индивидуальностей, проснувшихся в своем «Я» или живущих в подсознательном страхе пробудиться. Несмотря на многократно погубленный цвет нации и принимая во внимание ее немногочисленность, армянам удастся выделяться своей созидательностью и креативными способностями везде, где ступала их нога. «Нас мало, но нас зовут армянами» - шутят в Армении, смутно догадываясь о своей функции креативного фермента для других наций, фермента, который, как известно, также мал.

7

Этот «фермент», проявляющийся через отдельные индивидуальности, привносит в другие культуры армянскую национальную окраску, а национальной культуре придает общечеловеческий характер*. Подобно тому, как отдельная индивидуальность находит свое неэмпирическое «Я» только во взаимоотношениях с другими, что отразилось в древнеиндийском принципе «тат твам аси» («это - ты») и явилось одним из принципов гештальттерапии, национальное также приобретает специфику и понимание своей задачи только через окружение и сравнение с другими нациями. М.Элиаде приводит слова Г.Циммера об указанной закономерности: «Прослеживается удивительный и устойчивый факт, заключающийся в том, что значение внутреннего голоса, направляющего нас в наших поисках, может быть понят нами лишь после набожного путешествия в дальний край. К этому удивительному и устойчивому факту добавляется еще один: тот, кто открывает нам значение нашего таинственного внутреннего паломничества, сам должен быть чужестранцем, иной веры и иной расы» [30, стр. 285].

Хотя при нынешней ситуации Карабахского конфликта, экономического спада и сомнительной государственной самостоятельности для Армении выбора как такового не было, тем не менее западно-восточный базар по поводу постсоветских республик заставил призадуматься об параметрах идентификации со сторонами этого торга, принявшего на Украине кровавый характер. С одной стороны, нам близка

* Не случайно, что США, Россия и Европа, особенно на фоне «хиджра» (переселения в земли не мусульман), которую разработали мусульманские мыслители и реализуют на практике лидеры общин, не только не противятся, но и заинтересованы в привлечении армян в свои страны.

американская предприимчивость в материальной культуре, с другой, - отталкивает плавильный котел Америки, основанный на общности образа жизни без единства культуры; Европа «соблазняет» опрятной правовой системой, порядком и гражданственностью и ужасает конвенционально-правовым абсурдом, доходящим, например, до скорого запрета на слово «мама»; Россия привлекает и роднит человеческой задушевностью и отталкивает антиконвенциональностью, разгильдяйством и нивелированием значения отдельной личности. Выбор между Россией и Европой напоминает анекдотичный вопрос: что лучше помыть ноги и надеть грязные носки или надеть чистые, не помыть ноги? В одном случае это - коррупция, клановость, произвол и перспектива быть избитым или убитым, в другом - удушливая европейская толерантность и перспектива оказаться на психофармакологическом лечении. Так или иначе, Евразийский союз уже сложился, и пока рано говорить о его культурных архетипах и политическом будущем, как, впрочем, и о будущем мира, коль скоро мировая политика проявляет, говоря словами К.Левина, не «волевое», вызванное внутренними запросами поведение, а «полевое», складывающееся под влиянием внешних факторов и событий. Но «полевое» поведение на то и «полевое», чтобы быть временным, что касается вневременного, то если объединенная воля страны, которая, не выкорчевывая индивидуальные способности, организовала бы правовые отношения без обезличивания личности, а экономические - без изымания чувства эмпатии, тогда все, происходящее во внешней жизни (вплоть до геноцида) разобьется о внутренний стержень нации, еще более укрепляя его.

Но какие бы ни были задачи отдельной нации, в эпоху глобализации они должны соотноситься друг с другом, а значит национальное постепенно уступает место интернациональному, но не в смысле глобализационного растирания национального, а преодоления национального эгоизма. Трудность этой общемировой задачи заключается в том, что она принадлежит к задачам для взрослых, тогда как мировые политики, от которых зависит ее решение, пока не повзрослели. Человечество поняло вздорность мысли о том, что физика, химия, астрономия или математика свободны от национального элемента, но политическое, экономическое, коммерческое, финансовое и даже историческое проникнуто национальным интересом и детерминируется им. Мощная национальная суггестия мешает нациям предошутить свою миссию в общем потоке мировых процессов, отклоняя, словами когнитивистов, изначальные «жизненные сценарии», которые и без этого подсознательно и трудно концептуализируемы. Эти «сценарии» написаны Богом, поэтому истины о них богоподобны и должны быть угадываемы (по мысли Гете, «истина богоподобна: она не является нам воочию, мы должны угадывать её по её проявлениям»). Одним из таких проявлений есть внутреннее чувство отклонения от своей задачи и последующий спад настроения народа.

Армения как важный субъект дохристианской и христианской истории переживает разрыв между прошлым и настоящим и ностальгическую тоску по содержаниям прежней идентификации. Прежде всего, это - томление по особому духу кафоличности или соборности, проявленному в дохристианскую эпоху, в раннем христианстве, в Аварайском сражении (541г.) и даже при недавнем подъеме самосознания (1988 г.), когда все до единого, не сговариваясь между собой, видят, понимают,

чувствуют и волят одно и то же, подобно тому, как Арарат без договоренностей видится глазу всех армян не просто как восходящая к небу гора, но как в небе «находящаяся»*. Эти отдельные события выносят а поверхность истории предназначения, которые живут в глубинном бессознательном, позволяя охватить их сознательно. В свете этого слова персидского царя Дария о том, что «армян нельзя победить, их можно только разделить», можно рассматривать как пророческие.

Сегодня Армении необходима кафоличность на новом уровне, чего не достичь ригидной, неплодоносящей, поэтому вяло действующей «родорелигией». Ибо воссоединяет (лат. *religare* - воссоединять):

- не кровная сцепка, а добровольный союз на основе общности духа;
- не родовое отцов и дедов, а постоянно возрождающаяся в настоящем духовная свобода;
- не культивирование почвенности прошлого, а почки на четырех концах хачкаров;
- не групповое сознание, а индивидуальный путь, ведущий к одним и тем же истинам;
- не родственность, а «избирательное сродство»;
- не ритуал и церемониал, а ревизия отношения к духу и соотнесение с современностью*.

Мир изменился, и проблемы души современного человека иные, поэтому подлинное единение далеко отстоит от того, что жило в крови, роде, расе, нации, конфессии, невзирая на то, что это очень удобно. Необходим индивидуальный путь сотворения мысли вместо униформы мысли, полученной из перечисленного, ибо последние могут наставлять только на подсознательном уровне, отнимая у человека сознательное участие в заботе о собственной психике, самостоятельность в выработке того, что он принял как истину, чтобы эти содержания стали его личным достоянием. С другой стороны, они тянут назад в то прошлое, содержание которого пришло в негодность, а все, что приходит в негодность, как известно, порождает бактерии. Отсюда национализм, расизм и остальные «измы», разъединяющие человека с человеком, индивида с обществом, прошлое с современностью.

Сегодня Армения находится в глубоком и многостороннем кризисе. Бывшие и нынешние власти достигли в этом деле впечатляющих успехов, поэтому степень доверия к ним можно оценить отметкой минус 100%. Не последнюю роль в этом сыграла атмосфера безнаказанности, а также замалчивания или травли личностей, имеющих или могущих иметь для нации авторитет. Эта смазанное отношение к человеку говорит о катастрофическом недостатке воли как к обличению, так и восхвалению. Словами Ж. Бодрийера, «мы больше не умеем произносить проклятия, мы можем только произносить речи о правах человека - об этой благоговейной, слабой, бесполезной лицемерной ценности» [31, стр. 38]. На фоне этой и остальной

* Смысл сакрального отношения к Арарату не в потере территории, а в чувстве утерянного «рая» и обетования его вернуть вновь. Издревле гора считалась местом посвящения и единственным физическим пространством, выделенным для приобщения к тайнам неба.

* В этом символическое значение жертвоприношения: тело входит в огонь как символ жертвы крови ради духа.

болтовни осталась незыблемой болезненная реакция на идентификацию армян с турками. Постоянная осмотрительность в этом вопросе глубоко вгрызлась в психологию армян - армянин смотрит на турка как на свое негативно-двойниковое существо или архетипическую «Тень». Гибель Армении наступит только тогда, когда в отношении такой идентификации появится нечувствительность, когда ошибившихся национальной «дверью» станет большинство, после чего процесс идентификации станет необратимым, разрушив весь этнопсихологический строй. Если эта деидентификация станет руководящим принципом и для руководства страны, Армения, на наш взгляд, и на сей раз преодолеет внутренние трудности и внешние опасности (как говорил Ф.Гельдерлин, «где опасность, там и спасительное»).

Пока же на глазах у нищающего народа процветает маленькая, вернувшаяся в племя кучка, соблюдающая христианские обряды и несущая в своем подсознании импульсы «турка», армян, имеющих лунное сновидческое сознание и, поэтому поклоняющихся Луне на невидимом «флаге» своей души, следующих сокровенному принципу ислама - отсутствию личной ответственности и слепому подчинению крови, власти и деньгам, армян, неспособных увидеть отсутствие носа у вышестоящего и зоологически защищающих клан, кровь и род, словом, тех, чья психология вырезана по лекалам Турана. Просто сегодня «Туран» в своем крайнем рационализме, «маммонизме» и нечеловеческой механистичности расширил свои границы не в физическом, а в психологически-территориальном смысле. В области мировой политики «изначальный ариманизм Турана, его материалистическая сущность определяют его место в раскладе мировых сил, где он выступает рука об руку с англосаксонским механическим оккультизмом и иудаистским материализмом. Только учитывая этот аспект, можно понять, казалось бы, совершенно невысказанное, а именно: как англо-американцы, мировое еврейство и турки оказались впряженными в одну телегу и выступают сиаемскими близнецами в своем походе против христианства и иных великих мировых религий человечества» [32].

Немало в Армении «фарисеев», разглагольствующих о благих материях и не верящих ни одному своему слову уже в момент произнесения этих слов, «книжников», поставивших науку и образование на рельсы формальных инструкций, никем не востребованных «фолиантов» и омертвелых идей, «саддукеев», лихорадочно боящихся намек на независимую мысль, покупающих власть у развратного «Рима» и выцеживающих свои непомерные траты из народного пота. Список можно продолжить, но дело не в них и не в этом, потому что даже худший из нас знает на уровне инстинкта: был и есть **лучший из нас**. А лучший из нас завещает остальным идти путем своего *личного* христианства, чтобы после этого объединиться в христианстве социальном, потому что пути его неисчислимы, а исход, как и исток, един:

Отец...

Ты милостью от великого лица,

Душе, тоскующей по благу,

Пошли живительную влагу,

Мне в дар небесного жильца,

Живого непорочного тельца* ...
 Кто Сын Единородный от тебя,
 Кто постоянно преподнося себя,
 Не создает потерь у своего безмолвья,
 И вечно сам себя жертвонося,
 Он там всегда, где жертвенная бойня,
 На каждом жертвенном столе,
 Везде, во всем, всеобще, неизбывно
 Пребывает, но в каждой части
 Целостность являет.
 Небесный в сокровенном существе,
 По сути, здесь он, на земле.
 Как человек - индивидуален в доброте
 Как Бог - универсален в совершенной полноте.
 И рассыпаясь без числа на части,
 Во всех имеет он участие,
 Раздариваясь без конца,
 Чтоб всех, кто этот дар принять сумели,
 Объединить в своем едином теле.
 Хвала Тебе, Отец, совместно с Ним.
 Аминь [33, гл 310].

Прислушаемся ли к духу Нарекаци, призывающему искать в каждом из нас Человека через осознание индивидуальной связи с «рассыпающимся» и «объединяющим», утверждаясь не только в личности, но в кафоличности, или будем продолжать отворачиваться от него в сторону немислимого для армянина заблуждения - взять образ свой у своего извечного супостата?

Литература

1. А.Т.Лебедев, История Константинопольских соборов 869-870 г.г., интернет-ресурс: <http://krotov.info/history>
2. Ангелус Силезиус, Райские цветы, помещенные в семь цветниках, Цветник 4, опубли. в 1784г., Райские цветы, помещенные в семи цветниках, 2010, 80 стр., Источник: <http://salamandra-pvv.livejournal.com>
3. Мережковский Д.С., Св. София, В: Мережковский Д.С., Большая Россия, ЛГУ, 1991, 272 с.
4. Ангелус Силезиус, Цветник 2, В: Райские цветы, помещенные в семи цветниках, там же.
5. Никанор Перлас, Глобальное гражданское общество. Новый игрок Журнальный клуб «Интелрос», ноябрь, 2010, Интернет-ресурс: www.intelros.ru
6. А.В.Кантемиров, Экономические отношения Турции со странами Закавказья, Востоковедный сборник, (выпуск второй). М., 2001, Интернет-ресурс: <http://middleeast.org.ua>
7. Турецкие пословицы и поговорки, Интернет-ресурс: <http://turkey-info.ru>

* В Армении среди наскальных рисунков Гегамских гор еще с дохристианских времен сохранилась сцена: здесь над различными символами животных парит могучий небесный бык, изливающий на землю струи воды. Отражением этих представлений о небесном быке, символизирующем зодиакальное созвездие Тельца, являются образы быков на алтарных стелах, перед которыми проходили церемонии, на керамических сосудах, амулетах, бронзовых поясах, щитах. Урартский бог войны, грома и молнии обычно изображался стоящим на быке.

8. М. Харазян, От иллюзии к трагедии. Франция и армянский вопрос, Ереван, 2011, пер. с франц.
9. Sansovino, Francesco, Historia universale dell origine et impe.html? В: Османская империя, ru.wikipedia.org
10. М. Харазян, там же
11. Б.Беттельхейм, «Просвещенное сердце», журнал «Человек», 1992, 2, стр.76-77
12. Подробнее об этом: Шавердян Г.М., Геноцид в свете психологии самосознания, Вестник Ереванского Университета, 2, 2005
13. П. Харанис, Армяне в Византийской империи, Лиссабон, 2009, Библиотека Фонда Г.Гулбенкяна, пер. А.Р.Устян
14. Д.Н.Еремеев, Этногенез турок, М., Наука, 1971
15. Танер Акчам, Турецкое национальное «Я» и армянский вопрос, www.armenianhouse.org
16. Эмре Конгар, цит. по: Н.Г. Киреев, История Турции XX в, 2007, РАН, стр.90, В: Турки, wikipedia.org
17. Т.Равенскрофт, Копье судьбы, М., «Крон-Пресс», 1998
18. Ian Johnson. A Mosque in Munich: Nazis, the CIA, and the Muslim Brotherhood in the West. Boston; NY: Houghton Miffl in Harcourt, 2010. — 318 p., цит. по: Сергей Сумленный, Неприрученный ислаимизм, (рубрика Критика), Логос, 2, 2012
19. G.Gerken, (1991), Geist. Das Geheimnis der neuen Führung, Dusseldorf, Scherz. В: Зайцев А.К., Междисциплинарное обоснование толерантности: практика софитерапии, управленческого консультирования и социологических исследований, Интернет-ресурс: www.5fan.info
20. Гете, Предвкушение, собр. соч. в 10 томах, т. 1, М. 1975
21. Рудольф Отто, Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным, из-во С- Петербургского университета, 2008
22. İhan Selçuk, Yüzbaşı Selahattin'in Romanı, I. Kitap, s.286-7, İstanbul 1973, В Реваншизм, рожденный мусульманскими погромами и территориальными потерями Русско-армянское содружество <http://arunion.info/>
23. Evelin Lindner, Auswirkungen von Demütigung auf Menschen und Völker, Vortrag aus Anlass, Preises in Angewandter Psychologie, Oktober 2006, Zürich
24. Пётр Мжиглуд, Метафизика зла - природа, причины и попытка герменевтического описания, Институт христианской философии Теоретический журнал «Credo new», 2, 2013, <http://credonew.ru/>
25. А. Демидов, Пересоздай себя, В: Р. Штайнер, Драмы-мистерии, «Энигма», М., 2004
26. G. Kuhlewind, From Normal to Healthy, Lindisfarne Books, USA, 1988
27. Ю. Дуплинская, Христианство и метафизика зла, Онтологические прогулки, Издательский клуб «Топос», Литературно-философский журнал, март 2004, <http://www.topos.ru/>
28. В.И.Даль, Толковый словарь живого великорусского языка в 2 томах, т.2., books.google.am
29. Жан Бодрийяр, Прозрачность зла. Куда проникло зло? <http://mirknig.mobi>
30. Мирча Элиаде, Мифы, сновидения, мистерии, ««Релф-бук»- «Ваклер», 1996
31. Ж. Бодрийяр, указ.соч.
32. Артур Геворкян, Иран против Турана, Византийское наследство, Информационно-аналитический журнал, апрель 2002, www.vizantarm.am
33. ԳԴԻԳՈՐ ՆԱԴԵՎԱՅԻ, Մատյան Ողբերգության, Երևան, 2005

Գայանե Շահվերդյան

ԵՊՀ փիլիսոփայության և հոգեբանության ֆակուլտետի սոցիալական հոգեբանության ամբիոնի վարիչ, հ.գ.դ., պրոֆեսոր

ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ԵՎ ՆՐԱ ՀԱԿԱՌԱԿՈՂԸ

Հանգուցային բաներ: *Հայաստան, Թուրքիա, զեղասպանություն, նույնականություն, անհատականություն, ապանույնականացում, քրիստոնեություն:*

Հոդվածում դիտարկել է հայերի էթնոհոգեբանության որոշ ասպեկտներ (անհատական ոգի, կրթության նկատմամբ վերաբերմունք, գերզիտակցական և ենթագիտակցական բովանդակությունները և այլն)՝ ի հակադրություն թուրքերի հոգեբանությանը: Վերլուծել է հայերի հոգեբանության նույնականացման և ապանույնականացման ասպեկտները թուրքերի հետ: Ցույց է տրվել, թե ինչպես Քրիստոսի

հանդեպ անհատական վերաբերմունքի միջոցով հայերը կարող են գտնել հավաքականության և միասնության հիմքերը:

Gayane Shaverdyan

Faculty of Philosophy and Psychology, YSU

Dr.PhD, Professor, Head of the Department of Social Psychology

ARMENIA AND ITS SUPOSTAT

Key words: *Armenia, Turkey, genocide, identification, individuality, deidentification, Christianity.*

It is considered some aspects of Armenian ethnopsychology (individual spirit, relation toward education, overconscious and subconscious contents and etc.) contrary to Turkish psychology. It is discussed identificational and deidentificational areas of Armenian nation with Turkish. It is showed that Armenians through relation toward Christ may find collectivity and union.